

„Нашъ долгъ почитать память усопшаго воспоминаніями фактовъ изъ его жизни. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ. Родился о. протоіерей въ бѣдной семьѣ сельскаго дьячка, обремененнаго большой семьей. Нужда здѣсь доходила до того, что на цѣлую семью ребятишекъ, напр., были одни только сапоги, которые по очереди одѣвали только въ праздники.

Нужда вліяла на душу воспріимчиваго мальчика Іосифа, каляла его.

Подрось, сталъ учиться,—нѣтъ книгъ, сталъ учиться по слуху, когда уроки учили товарищи,—получилъ знанія предметовъ, изошрилъ память, но долго не умѣлъ читать...

У родителей не было денегъ для уплаты за квартиру—когда онъ сталъ учиться въ городѣ, и ему приходилось ночевать даже въ конюшнѣ.

Недоѣданія, недосыпанья, холодъ и зной въ дѣтствѣ и отрочествѣ—не они ли пріучили его нуждаться даже тогда, когда онъ имѣлъ достатокъ!

Между тѣмъ, о. протоіерей былъ прекрасный послѣ начальникъ и человекъ, за что говорятъ многочисленные адреса его подчиненныхъ и почитателей и подношенія.

Онъ былъ хорошій сослуживецъ. Правда, онъ не откровенничалъ, но давалъ добрые совѣты, поддерживалъ миръ, былъ трудолюбивъ, исполнителенъ и умеръ честнымъ человекомъ, сдѣлавъ много добра окружающимъ.

Мы привыкли цѣнить человека по степени того, сколько онъ сдѣлалъ добра на деньги, мѣркой ставимъ все видимое, осязаемое.

Но, братья мои, бываютъ въ жизни такія нравственныя страданія, избавленія отъ которыхъ не принесутъ и тысячи, а, между тѣмъ, одно ласковое, ободряющее, искреннее слово исцѣляетъ глубочайшую, мучительнѣйшую рану сердца.

И такія слова могъ говорить усопшій о. протоіерей. И говорилъ... и цѣлилъ раны сердца.. И его за это не забудутъ.

Впрочемъ, всѣ получившіе отъ него добро—это знаютъ и понимаютъ.

Но добрый примѣръ жизни о. протоіерея, далекаго отъ злобы, трудолюбиваго, честнаго, равнаго въ обращеніи, ласковаго къ страдающимъ—будетъ свѣтлымъ примѣромъ.

И если онъ не далъ явно кому-либо лишнюю копейку, то свидѣтельствую, что онъ не заѣлъ и чужую.

Во всякомъ случаѣ, жилъ не для себя, а для своихъ же внуковъ, которые, получивъ образованіе и доброе воспитаніе, быть можетъ, будутъ полезными дѣятелями нашей Родины....

Эту вѣру въ свѣтлую будущность внуковъ, которыхъ любилъ о. протоіерей,—мы отъ него и по смерти отнять не можемъ и не имѣемъ права..., а онъ ихъ такъ любилъ.

Умирая, онъ еще слушалъ письмо отъ своей внучки и радовался тому ея сообщенію, что она: „перейдетъ въ старшее отдѣленіе“.

Кончину труженику-пастырю Господь далъ мирную: онъ удостоился на 5-й недѣлѣ поговѣть, въ Пасху приобщиться, за три дня до смерти пособороваться и исповѣдываться, въ день смерти снова исповѣдываться и приобщиться.

Умеръ онъ, примиренный съ Богомъ и людьми. Умирая нѣсколько разъ крестился, произносилъ слова молитвъ изъ возгласовъ священника на всеобщемъ бдѣніи..., нѣсколько разъ благословлялъ рукою въ воздухѣ, видимо, желая всего лучшаго своей паствѣ. Это его благословеніе я передаю Вамъ, его духовнымъ дѣтямъ!

Послѣднія слова его были: „душно мнѣ, не стѣсняйте меня, дайте мнѣ свободу!....“

„Когда 22 марта тревожно-чуткую, насторожившуюся тишину ночи прорѣзалъ первый ударъ пасхальнаго благовѣста, онъ родилъ въ напряженно-ждушихъ этого призыва сердцахъ радостные, волнующіе отзвуки.

Небо и земля, міръ видимый и невидимый—все радовалось и ликовало: „Христось бо воста, веселіе вѣчное.

Христось воскресъ и явился своимъ ученикамъ, былъ съ нами. И нынѣ воскресшій Христось—съ нами здѣсь, въ этомъ храмѣ въ сегодняшній день. Онъ здѣсь, купно съ нами и съ усопшимъ о. протоіереемъ.

Христось съ нами, и чистое сердце наше, избавленное отъ грѣха осужденія ближняго, зреть Его, сіяющаго неприступнымъ свѣтомъ воскресенія и ясно слышитъ отъ него: „радуйтесь!“

„О, Пасха, избавленіе скорби!“

Возрадуйся и ты, приснопамятный отецъ протоіерей Іосифъ Іоанновичъ!

Христосъ бо воставъ отъ мертвыхъ, начатокъ усопшихъ бысть“.